

ЛЮБОВЬ КАК ЭТАЛОН И КРИТЕРИЙ ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Множество оснований для оценки и выведения эталона нравственности обуславливает некоторую неопределенность принципа воспитания того, что называют культурой и воспитанностью человека вообще. Извечный спор философов об основаниях нравственности, пожалуй, и саму проблему воспитания личности возводит в вечный вопрос, и поэтому будь то профессиональный педагог-воспитатель или обыкновенный родитель, как и собственно постигающий мир воспитуемый, неизбежно испытывают трудности, чем руководствоваться в первую очередь, в какой мере уместна или необходима порядочность в отношениях вообще и в частности. Последнее обретает особое значение, когда интимность и доверительность нуждаются в выходе за пределы нравственных условностей и общепринятого этикета.

В воспитании стратегической линии поведения никаких затруднений не испытывают богословы и люди, искренне верующие в Бога, сравнительно легко и тем, кто занимается воспитанием определенной направленности – трудовым, экологическим, военно-патриотическим и т. п. В этих случаях находятся вполне обоснованные критерии. А вот в воспитании нравственности и культуры поведения вообще воспитатель вольно или невольно зачастую превращается в чистого морализатора и тем самым рискует утратой доверия и авторитета в глазах воспитуемого. Это почти неизбежно, когда твои воспитуемые еще не имеют достаточного жизненного опыта и когда присущий юным максимализм идет впережку с нигилизмом, нередко с чувством недоверия и негативизма к старшим и в то же время стремлением на личном опыте пройти через сомнительные, а то и явно порочные соблазны. Не случайно А. Шопенгауэр к своему сочинению "Об основе морали" предпослал девиз: "Проповедовать мораль легко, трудно обосновать мораль". Отсюда убедительность и авторитет воспитателя возводятся на объективно доказательной, отнюдь не морализаторски навязчивой тактике воспитания.

Из сказанного следует, что технология нравственного воспитания во многом должна сводиться к образованию – познанию каких-то специальных во-

просов в их соотношении с общечеловеческими ценностями, имеющими прямое отношение к поискам цели и обретению смысла жизни. И если это не идея служения Богу с выполнением основных религиозных наставлений во имя обретения вечного блаженства в ином, после земного существования, мире, то на какой такой идее можно воспитывать нравственную личность, индивида для начала здравомыслящего, но не приобщившегося по тем или иным причинам к вере и неизбежно растерянного в море личностных побуждений, страстей человеческих и противоречий, присущих реальному миру существования?

Обозначим несколько основополагающих истин о морали как общественном институте, выполняющем функцию регулирования поведения людей. Речь идет о формировании самосознания подрастающего поколения через чувства, убеждения, склонности, совесть и всё вместе взятое – в полном соответствии с биологическими и социальными потребностями человека. Тем самым для личности вырисовываются контуры смысла жизни, философской категории, всё еще не ставшей предметом школьного воспитания юных, – для чего эта жизнь, во имя чего та или иная моральная норма, в какой мере ей соответствует или не соответствует данный поступок, мое поведение, стремление к деятельностной активности в той или иной сфере отношений. Моральные нормы и нравственные принципы формируются отнюдь не стихийно, как это может казаться из-за обладания ими свойством всеобщности. В действительности мораль исторически изменчива, она проходит испытание опытом жизни людей, в изменяющихся условиях существования, когда человек нередко вынужден уклоняться от всеобщего нравственного предписания. В своем поведении человек обречен на вечное балансирование между эгопобуждениями и во многом принуждающей его социальной действительностью, обладающей моральным авторитетом и поэтому самой по себе выполняющей воспитательную функцию. Отсюда инакомыслие, дисидентство, что обуславливает необходимость выработки более конкретных нравственных принципов.

Так или иначе, но все поверяется эмпирическим опытом, и можно лишь удивляться пронизательности народной мудрости, выкристаллизовывающей и ассимилирующей наиболее ценное из опыта жизни. Правда, порой не без потерь для самой жизни – происходит как бы апробация в вечном поиске идеала. Но если жизнь в непрерывном движении, что же тогда неподвижно, где та центральная ось, за которую следует постоянно держаться человеку и человечеству в целом, чтобы однажды не кануть в вечность небытия, к чему, похоже, мы уже устремились? На этот вопрос отвечали и пытаются отвечать многие, но, на наш взгляд, никто не сказал так образно и точно, как это удалось русскому религиозному философу и поэту Владимиру Соловьеву:

*Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

Эти строки похожи на перекличку с великим Данте Алигьери, который дал космологическое определение любви – "Любовь, что движет солнце и светила" и еще ближе к теме нашего разговора:

*Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлито по всей вселенной:
Суть и случайность, связь их и дела,
Все – слитое столь дивно для сознанья...*

Если согласимся, что рукой гения правит не столько интуиция, сколько Божий промысл, то и этого достаточно для принятия приведенных строк не в качестве поэтического романтизирования любви, а как методологической посылки для познания ее подлинной сущности. Нетрудно обосновать это и чисто объективными, т. е. строго научными доводами.

Любовь как природный механизм воспроизведения Человека во времени

Принимая саму способность к любви и потребность в ее проявлении как природный механизм обеспечения непрерывности воспроизведения человека в чреде поколений, обратим внимание на двойственную направленность чувства – физическое влечение (что от биологии), гарантирующее зачатие ребенка и его последующее рождение, и духовное влечение (что от социума и эволюции культуры), обеспечивающее духовно-нравственное становление личности ребенка с формированием у него способности к собственной любви в будущем как процесс эстафеты от поколения к поколению и, в идеале, с сохранением и приращением наиболее возвышающих человека качеств. Хотя чувственный и личностный компоненты любви (физическое и духовное) представляются самостоятельными, качественно различными образованиями, в действительности, они генетически созданы друг для друга и только во взаимосцеплении на принципе дополнительности проявляют свою подлинную сущность. Чувственный компонент – сексуальное либидо, по З.Фрейду, изначальным носителем которого является мужчина, – служит биологическим базисом целостного чувства любви, а личностный – социально-нравственное, изначальным носителем которого является женщина, – служит выражением восхождения человека в социальном развитии, тем приращением к чувственному, которое придает любви избирательную направленность (потому и "личностный") и уникальное своеобразие, не сводимое ни к биологическому, ни к социальному, и все же несущее в себе то и другое, отчего это чувство представляется непостижимо загадочным.

Заметим, что секс (чувственное) без любви (личностное) у индивида гибнет либо приобретает уродливо-извращенное проявление, а чисто платоническая любовь, будучи оторванной от сексуального влечения, не порождает новую жизнь и тем самым не может претендовать на статус половой любви. Заслуживает внимания библейская версия сотворения Богом человека: создав мужчину, Творец почувствовал его несовершенство в одиночестве и тут же сотворил для него // женщину, предрекая: "... и прилепится к жене своей; и будут одна плоть" /Быт. 2:24/, "... и к мужу твоему влечение твое" /Быт. 3:16/, вслед за чем: "И нарек Адам имя жене своей: Ева..." (означающее "Жизнь"), "... ибо она стала матерью всех живущих" /Быт. 3:20/ – не является ли это знаменем и первоистокком того, что в сплетении человеческих судеб проявляется в чувстве половой любви? И не случайно за прегрешения именно в этом предусмотрены самые суровые наказания – истреблением души /Лев. 18:29/, проклятием и всевозможными телесными недугами /Чис. 5:12-27/, отлучением от общества Господне вплоть до десятого поколения /Втор. 23:2/ и др. – свидетельство чрезмерной значимости чувства любви между мужчиной и женщиной.

Обозначение методологии познания половой любви – её регуляторной функции в воспроизведении человека

Для начала, в качестве постулата, скажем, что личностный компонент любви всецело проявляется через психические особенности структуры личности, и

психозэмоциональное состояние не просто отражает восприятие внешнего мира, но и сигнализирует организму, как следует адаптироваться к той или иной ситуации, в том числе, и в особенности, когда личность оказывается в условиях реализации потребностей в любви. Тем самым психика через соответствующие эмоции и чувства выступает в роли регулятора не только поведения, но и физиологически приспособительных процессов. В таком случае с учетом природного предназначения половой любви уместно задуматься и ответить на вопрос о значении и времени проявления факторов, влияющих на собственно зачатие и формирование физических и психических характеристик (будущего) человека.

Современные научные, и тем более религиозные, представления сходятся на том, что человек и его психофизические характеристики берут начало с момента образования зиготы (слияния мужской и женской половых клеток), фактически – с первого дня наступившей беременности, поступательного превращения зиготы в эмбрион и плод. Это чисто материалистический взгляд, не вполне соответствующий природе любви, ее духовно творческого начала. В действительности, и в идеале, всякий новый человек и его психофизические особенности, по крайней мере виртуально из генетической программы, зачинается не с момента оплодотворения, а еще до этого, независимо от того, замышляла или не замышляла данная родительская пара завести ребенка в этом акте любви. Основанием для такого утверждения служат хорошо известные в медицине факты: регуляторами генетического аппарата являются гормоны, а те в свою очередь в известной мере вырабатываются и имеют адресное предназначение в зависимости от психозэмоционального состояния. Следовательно, при положительных эмоциях любви с установкой зачатия ребенка у обоих участников репродуктивного действия вырабатываются и пропитывают половые клетки "гормоны любви" (дадим им такое условное название, не вдаваясь в тонкости биохимии) или "не-любви", от чего зависит старт и качественная реализация генетической программы от зиготы к зародышу и плоду. Примером психотравматического эффекта зачатия в брачной паре является практика использования в целях контрацепции метода прерывания полового акта перед эякуляцией, в результате чего вся гамма переживаний супругов пронизана эмоциями страха из-за опасения нежелательной беременности, и если беременность все-таки наступит, то велика вероятность, что плод и ребенок будет развиваться по акселеративному типу (подробнее описано в моей монографии "Введение в психологию любви и брака", 1992). Первичность психозэмоциональной установки и чувственного состояния в целом играет решающую роль и в ходе последующей беременности, и, тем более, в процессе выхаживания (имеет значение продолжительность вскармливания грудью) и воспитания ребенка в атмосфере любви и согласия родителей, под влиянием чего в развивающемся головном мозгу формируются соответствующие нейронные связи – функциональные образования и коды будущей психосексуальной деятельности, т. е. у ребенка закладывается способность и предуготовленность к любви и браку, что и знаменует собой процесс эстафеты от поколения к поколению. Как видно, духовное начало в ребенке (к любви) имеет материальную основу (в физиологии), которая сама в свою очередь формируется также под влиянием духовно-чувственного – через любовь и в любви родителей. Сказанное имеет прямое отношение к педагогике воспитания.

От методологии к концепции воспитания любви и нравственности

Вернемся к проблеме поиска основания нравственности и теперь, обозначив некоторые закономерности формирования духовно-нравственного

стержня личности уже в предродовом периоде, уместно обратиться к исторически определенным концепциям нравственности. В контексте рассмотренных взаимоотношений биологического и социального в человеке и природе его любви заслуживает особого внимания антропологическая концепция морали, согласно которой, как это провозгласил еще в V в. до н. э. Протагор, человек является мерой всех вещей. Существенной оговоркой и дополнением, на наш взгляд, должно бы служить не провозглашение человека вообще, а его способности к любви и самое проявление в нем любви. При таком подходе объясняются и вместе с тем поглощаются достаточно одиозные концепции гедонизма (устремленности человека к удовольствиям и наслаждениям) и эвдемонизма (стремления к счастью), которые как раз и следуют из антропологической концепции. Идея любви, как известно, является базисной основой учения Иисуса Христа, откуда берет свое начало христианская этика любви. Однако в отличие от эгоцентрической направленности гедонизма и эвдемонизма христианская этика любви пронизана альтруизмом на гуманистической основе, без своекорыстия в сущем мире во имя воздаяния и благодати в вечности загробного мира. Философски можно по-разному относиться к той или иной теории, но в любом случае невозможно игнорировать идею любви и ее историческое развитие и восхождение к наиболее высоким проявлениям человеческого духа.

Природное предназначение и эволюция развития половой любви, пронизывающей культуру поведения и деятельности человека, в поисках определяющих оснований морали позволяет занять любви свое самостоятельное место. В аспектах воспитания нравственности и собственно полового воспитания со стороны некоторых философов, социологов, сексологов и педагогов уже предпринимались попытки декларирования любви в качестве основы воспитания. Но никто, пожалуй, не обосновывал подобную декларацию концептуально. При этом противники собственно полового воспитания утверждают нечто противоположное: нравственное воспитание личности – это и есть лучший метод полового воспитания, а собственно сексологическое, "половое просвещение" – это, скорее, развращающее личностное воспитание. В связи с подобной дискредитацией в обозначении специфики "полового" воспитания необходимо заметить, что многое здесь, если не основное, зависит от знания предмета, методологии и методики его изложения с учетом возрастных групп воспитуемых, понимая под воспитанием собственно образование – привитие соответствующих знаний, позволяющих личности воспринимать их в качестве объективных факторов с определенной направленностью и тем самым побуждающих к соответствующему поведению и деятельности. Получаемые знания о закономерностях формирования и проявления половых потребностей и чувств должны служить не только в качестве подсказки, но и как долженствования, императива, принципа и в конечном итоге моральной нормы в половых отношениях. Лишь недостаточно образованный воспитатель способствует тому, что воспитуемый неадекватно и воспринимает, и реагирует на ту или иную сексуально значимую информацию. Сама же сила и пристрастная заинтересованность в удовлетворении сексуальных влечений в определенных условиях нередко ставят личность в затруднительное и рискованное положение, достойный выход из которого доступен более образованному, воспитанному, культурному человеку. Но и такой в каких-то ситуациях интимности подчас ведет себя неадекватно, нелепо, а то и вовсе безнравственно, демонстрируя тем самым свою некомпетентность и растерянность, т. е. недостаточную воспитанность именно в этом, специфически половом, отношении.

Следовательно, существует потребность в обозначении дефиниции полового воспитания, название которого без указания на основоопределяющую его нравственность не может удовлетворить педагога. Ибо речь идет не просто о специфике, но и о нормологии в ее проявлении в поведении и половых отношениях, играющих чрезвычайно значимую роль в общественном благополучии. Предлагаем следующее определение: *воспитание культуры половых отношений (равнозначно – нравственно-половое воспитание) составляет триединство духовного, нравственного и медико-гигиенического образования и воспитания, из которых: 1/ воспитание, самовоспитание и взаимовоспитание способности к любви – умения любить и быть любимым и на этой основе строить половые отношения, создание брака и семьи, что имеет первостепенное значение в формировании духовного здоровья; 2/ собственно сексологическое воспитание – привитие знаний о структурно-функциональном содержании половой любви, основных особенностях сексуальных проявлений и нарушений, извращениях полового чувства, аморальном и преступном поведении на этой почве, о проституции, истоках и последствиях сексуальной революции XX века и других проявлениях, имеющих непосредственное отношение к формированию нравственного и сексуального здоровья; 3/ привитие знаний об анатомо-физиологических особенностях половой сферы, гигиене интимно-брачных отношений, оптимальных условиях, зачатия, вынашивания, рождения, вскармливания и воспитания ребенка, о методах и возможных последствиях контрацепции, о влиянии алкоголизации, наркотизации на сексуальную функцию и потомство, о половых инфекциях, СПИДе и их профилактики, совокупно имеющие отношение к обеспечению здоровья детей, родителей, семьи и общества в целом.*

Как видно, в данном определении обозначается перечень основных вопросов, правильное понимание которого с соблюдением адекватных норм поведения и отношений обеспечивает духовно-нравственное формирование личности и на этой основе гарантирует обретение здоровья на уровнях всех его основных показателей. Определяющим в перечне проблематики воспитания является половая любовь, которая вместе с тем должна рассматриваться не только как механизм воспроизведения человека, но и как индикатор, нечто подобное таблице Менделеева, на основе которого путем соотносительного сопоставления можно получить правильную оценку потребностей и поведения, рассматривая, насколько они способствуют или не способствуют закономерностям любви и ее предназначению. Иными словами, это может быть какой-то признак (в аспекте его познания), функция, поступок, совет, рекомендация, пропаганда, предписание, запрет, обычай, традиция, мода, политика, искусство, постулат, гипотеза, концепция, парадигма, программа и т.д. и т.п. Если, хотя бы косвенно и опосредованно, тем более прямым образом, это нечто неадекватно и не соответствует структурно-функциональному содержанию любви, значит и не имеет права на воплощение в реальной практике половых отношений. Речь, конечно, не идет о каких-то экстремальных ситуациях и условиях жизни, представленная концепция и парадигма должна восприниматься как обычная, нормативно усредненная типология половой любви в генезисе ее исторического развития при численном равенстве мужчин и женщин и, разумеется, мирного сосуществования народов; если можно так выразиться – по идеальной версии Бога и природы человека. Каждый народ культурально и поэтапно проходит свой путь познания.

Принимая любовь в качестве нравственной основы личности, опять-таки концептуально обозначим последовательность и контуры технологии воспитания любви. Начинать следует с раннего детского возраста, когда усвоение

значимой информации происходит на основе эмоционально-чувственного ее восприятия без участия интеллекта и сознательного осмысливания. В биологии такое первичное усвоение информации получило название импринтинга (запечатления). Для субъекта восприятия и реагирования это специфический императив, означающий: так есть, так надо и иначе быть не может, следовательно, в последующем реагировать и поступать можно и нужно так и только так. Значит, на первый и особенно волнующий ребенка вопрос "Откуда я взялся?" следует отвечать однозначно: "Из любви". И далее, с учетом возраста и других свойств личности ребенка, полезно подчеркнуть, что все хорошие дети и люди, и всё прекрасное в этом мире, порождаются любовью; любовь сближает любящих, побуждает их к ласке и близости в совместной жизни, что и случилось с твоими родителями. Огромное впечатление (и запечатление на все последующие годы!) вряд ли и тотчас же вызовет всегда пугающий воспитателя вопрос о технологии процесса. Но если это и случится, то можно пояснить близко к истине – "Зародился в животе у мамы..." и т. п.

Конечно же, такая первичная информация о любви для ребенка должна наглядно сопровождаться подлинной любовью между родителями, другими членами семьи и к ребенку в особенности. Остальное дополняют рассказываемые ребенку сказки (о добром молодце и царевне-красавице), былины, примеры музыкально-песенного творчества, лучше всего из богатейшего фольклорного наследия. Понятно значение и тематических детских игр для девочки и для мальчика, развивающих женственность, мужественность, понятие чести и достоинства в отношениях друг с другом.

Подобное воспитание способности к любви на импринтинговой основе со временем обретает свойство мировоззренческого отношения и восприятия всего того, из чего формируется это чувство. И тогда уже собственно сексологическое воспитание в подростковом возрасте не несет в себе угрозы стимулирования нездорового любопытства и подталкивания к практике личного опробования своих сексуальных побуждений, к чему так настойчиво подталкивает пропаганда и реклама "безопасного секса". Наоборот, на фоне уже сформированного отношения к любви как сверхзначимой ценности чисто сексологическая информация будет восприниматься в качестве необходимого дополнения к пониманию целостного чувства половой любви, которая в своей сути отвергает экспериментирование над собой, особенно в юном возрасте. Вслед за этим, уже в возрасте зрелой молодости, на подходе к вступлению в брак должно последовать медико-гигиеническое образование и воспитание, что вместе с тем завершает более углубленное познание любви и ее сексологических аспектов во всем комплексе воспроизведения человека с формированием его духовно-нравственного, сексуального и соматического здоровья. Всё вместе взятое способствует поиску идеала и воли в обретении смысла жизни, воплощению должного в сущее.

Мораль в объективной реальности является фактом истории, к которой народ никогда не остается безразличным. Это аргумент и в поиске национальной идеи, должной сплотить людей, коль оказалось быть в условиях кризисного существования. Идея любви достойна такой роли. Закончим библейским поучением: "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... А теперь пребывают сии

три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше" (1 Кор. 13:4-10, 13). Как видно, самодостаточность любви дает основание и рассматривать ее в качестве основания нравственности.